

О Т З Ы В

официального оппонента

на диссертацию Алексея Игоревича Пожарова «Трансформации христианского эсхатологического мифа в современном медиакультурном пространстве», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии (специальность 24.00.01 – теория и история культуры)

Диссертация А.И. Пожарова посвящена христианскому эсхатологическому мифу в пространстве современной медиакультуры, функционированию апокалиптических мотивов и образов в кинематографе а также ряде популярных компьютерных игр. Как верно отмечает диссертант, в массовой культуре 20–21 вв. эсхатология получает «многократное художественное преломление». Изучение апокалиптической тематики в современном культурном пространстве привлекало внимание различных исследователей (из последних монографий см. книги М. Ахметовой или И. Бессонова), однако эта область до сих пор остается весьма актуальной: ее трудно исчерпать хотя бы в силу объема и разнообразия самого материала. Новизна диссертационной работы заключается не только в отборе конкретных произведений, не подвергавшихся ранее подобному анализу, но в попытке выявить и описать различные формы присутствия христианских эсхатологических сюжетов в – как это сформулировано диссертантом – «продуктах культурной деятельности современной западной цивилизации».

Диссертация состоит из вступления, двух глав, заключения, списка литературы, а также фильмографии и геймографии. Для достижения поставленной цели автор последовательно рассматривает эволюцию эсхатологических представлений в различных мифологических, религиозных и философских системах, затем структуру и ключевые мотивы христианской эсхатологии, и наконец, во второй главе, то, как апокалиптические мотивы используются и обыгрываются в современной медиакультуре (отдельное внимание уделено вопросу о том, какое место занимает в ней образ Мессии – Христа). Такая структура вполне отвечает целям и задачам исследования.

Во вводной части первой главы автор анализируют понятия «эсхатология», «апокалиптика» и «мессианство», представления о малой (индивидуальной) и большой эсхатологии, а также понятие мифа, с опорой на работы М. Элиаде, А.Ф. Лосева и Р. Барта. Перечисляются основные элементы эсхатологического мифа в различных культурных традициях (индуистская, зороастрийская, скандинавская) и более пристально анализируется ветхозаветная эсхатология. Автор выделяет несколько «основных

структурных блоков, в каждом из которых можно выделить архетипические сюжеты», характерные для индоевропейского и ветхозаветного эсхатологического мифа: хаос и упадок в конце времен, последняя битва и преображение мира.

Вслед за этим автор подробно рассматривает эсхатологию Нового Завета (не останавливаясь, правда на мотивах Откровения Иоанна Богослова и характеризуя Апокалипсис лишь в общих словах). Здесь выделены следующие кластеры мотивов: *Искажение миропорядка*: уклонение от веры; «десакрализация» священных мест (отмечу, что здесь приведен не самый удачный пример о разрушении храма – «десакрализация» и уничтожение несколько разные понятия, скорее в качестве иллюстрации следовало бы процитировать слова о «мерзости запустения на святом месте», которые много раз интерпретировались и обыгрывались в христианской культуре); установление несправедливой власти и т.д.; *Последняя битва*: «привычные предметы и сферы деятельности становятся опасными»; нарушение хода времени, усиление гонений на праведных; ложная идея об установлении мира и безопасности; умножение стихийных бедствий; голод; война; нашествие иноземцев; нарушение космического миропорядка; явление лжемессий; явление предтечи Антихриста; приход Антихриста к власти; приметы Антихриста и др. В две последних группы выделены мотивы, связанные с Мессией и финальной победой над злом, а также с образами постапокалиптического преображения мира. Все выделенные мотивы действительно актуальны в христианском эсхатологическом мифе и бесконечно варьируются в средневековой культуре и культуре Нового времени. Правда, само разделение на группы выполнено не совсем удачно: нетрудно увидеть, что мотивы второго блока не соотносятся с характеристикой «Последняя битва», которая вынесена в заглавие, но разделяются между первым кластером – «Искажение миропорядка» и группой, которую можно охарактеризовать «Явление эсхатологических персонажей».

Автор рассматривает мессианство, миллениаризм и апокалиптизм как особые формы существования иудеохристианских эсхатологических представлений в культуре, верно разграничивая футуристическую эсхатологию (эсхатологии ожидания), и эсхатологию актуальную (реализованную, осуществленную), и справедливо подчеркивает, что «На наш взгляд, именно ... сочетание реализованной и ожидаемой эсхатологии является центральным местом христианского эсхатологического архетипа».

В целом в первой главе диссертации успешно реконструирована общая панорама идей и мотивов, безусловно важных для понимания структуры христианского эсхатологического мифа и генезиса отдельных его компонентов. В качестве основной претензии к этой части работы следует указать на малое количество использованных автором исследований, посвященных христианской апокалиптике, сравнительному

анализу эсхатологических сюжетов и образов в разных культурах, европейским и русским сочинениям, посвященным Апокалипсису и т.д. Таких исследований, в том числе написанных в последние десятилетия, множество, и они безусловно заслуживали рассмотрения и перечисления хотя бы в сносках диссертации. Библиография в первой главе ограничивается очень малым и явно недостаточным количеством исследовательских работ.

Во второй, основной части диссертации, рассматривается христианский эсхатологический миф в современной медиакультуре. Автор верно отмечает, что в 20 в. «Отвергнув хилиастические иллюзии, современный человек снова оказывается во власти апокалиптических страхов. Пытаясь осмыслить возникший кризис, человечество вновь пользуется эсхатологией как средством снятия противоречий и объяснения сложившейся ситуации ... С гибелью вселенской утопии эсхатологический миф переходит в актуализированное состояние». К этой мысли есть лишь стилистическое замечание: понятие «хилиастические иллюзии» плохо характеризует социально-политические эксперименты 20 в. (не вполне «хилиазм», да и «иллюзии» – слово оценочного, а не научного регистра, которое плохо сочетается с заявленной во вступлении диссертации установкой на безоценочность).

Автор верно отмечает, что в 20–21 вв. популярные в масс-культуре эсхатологические представления имеют эклектичный характер, гетерогенны по происхождению, не складываются в единую картину. Говорить следует скорее о тенденциях, прослеживаемых в пестрой массе комбинирующихся идей и образов. Одна из таких тенденций – наукообразие, когда «ужасы Апокалипсиса облекаются в форму, приемлемую для сознания жителя современного общества, в котором характерен высокий уровень доверия к научному знанию».

В разделах второй части автор прослеживает, как отдельные мотивы, связанные с апокалиптическим мифом, функционируют и преломляются в отдельных фильмах («Песни со второго этажа» Р. Андерссона, «Меланхолия» Ларса фон Триера, фильмы о Гарри Поттере, фильмы с сюжетом «зомби-апокалипсиса» и др.) и в ряде компьютерных игр. Анализ представляется в целом убедительным и оригинальным. Однако, на мой взгляд, при попытке трактовать противоборствующие группы персонажей в киноэпопее по произведениям Дж. Роулинг, автор, в поисках апокалиптических мотивов, проводит слишком смелые отождествления: магов – с иудеями, магглов – с язычниками, магглорожденных – с детьми Авраама, созданными «от камней» (Лк. 3:8) или язычниками, принявшими крещение, орден «пожирателей смерти» – с «орденом, инспирированным иудейскими идеями» и т.д. Христианский подтекст многих сюжетных

линий в романах Роулинг сомнению не подлежит, апокалиптические мотивы, как верно показывает в дальнейшем А.И. Пожаров здесь несомненно используются и обыгрываются, но описанные группы персонажей и в романах, и в фильмах явно выстроены с ориентацией на актуальные в Европе 20–21 вв. социальные вопросы и конфликты, а именно идеи фашизма, «расовой чистоты», попытки установления диктатуры, борьбы с нацистской идеологией и властью, наконец, торжества идей толерантности и равноправия. Это очевидный и ориентированный на современного читателя/зрителя ассоциативный ряд, весьма далеко от реалий христианских и иудейских общин.

Подводя итоги, автор верно замечает, что «в настоящее время происходит смыкание эсхатологии ожидания, апокалиптики и постапокалиптики в принципиально новом эсхатологическом мифе, который не нуждается в мессианской фигуре Христа, как в центральном элементе», а «поскольку все силы человечества в новейших апокалиптических сюжетах сводятся лишь к ... попытке вернуть мир, повреждаемый в результате катастрофы, в состояние стабильности, то мы можем говорить о принципиально новой модели апокалипсиса» как постоянно длящейся Последней битвы, за которой не следует пришествие Мессии или создания нового мира. Этот вывод хорошо обоснован и проиллюстрирован в диссертации на основании широкого круга материалов.

Переходя к критическим замечаниям, отмечу несколько основных моментов.

1- Автор отмечает, что «в качестве элементарной единицы в исследовании мифа будет использовано понятие *единичного архетипического сюжета*, под которым понимается обладающий четко выраженным образом устойчивый элемент архетипа, существующий только в тесной взаимосвязи с другими его элементами и не нуждающийся в дополнительной расшифровке носителями культурной парадигмы, к которой он относится». Это определение и, что важнее, практически все дальнейшие примеры, анализируемые в диссертации, скорее попадают под определение «мотив», т.е. представляют из себя минимальные семантически нагруженные части сюжета («знак Антихриста», «голод последних дней», «осквернение святыни» и т.п.). Плохо, что в диссертации эти понятия не оговариваются и не разделяются, в результате чего явно необходимое в исследовании понятие «мотив» практически не используется.

2- В историографии автор не учитывает и не упоминает работы, важные в рамках исследуемой им проблематики. Во вступлении диссертации читаем, что в ней «впервые рассмотрен генезис и развитие христианского эсхатологического мифа от праиндоевропейского мифа, через ветхозаветное время до наших дней». Это не совсем так, учитывая, что в последние годы были опубликованы монографии, где, пусть на другом материале, подробно рассматриваются аналогичные вопросы – от генезиса и

развития христианского эсхатологического мифа до его функционирования в современной культуре. Из недавних исследований упомяну только монографии И.В. Дергачевой «Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности» (М., 2004»), и И.А. Бессонова «Русская народная эсхатология: история и современность» (М., 2014), где подробно анализируется формирование и эволюция иудео-христианской апокалиптики, в т.ч. в сравнительном освещении, а в книге И.А. Бессонова, помимо этого, рассматривается эволюция апокалиптических мотивов вплоть до их функционирования в современной русской культуре

3- Разумеется, отбор источников для анализа проводился автором в широчайшем списке произведений, так или иначе эксплуатирующих образы конца мира, постапокалипсиса и т.п. Тем не менее, принципы отбора не вполне ясны: проводился ли он исходя из критериев популярности и актуальности (кассовые сборы, частота цитирования в медиакультуре и т.п.), распространенности (страны проката/распространения) и других верифицируемых показателей или же основой для выбора служили лишь предпочтения самого автора? Отбор материала, не подкрепленный четкими и оговоренными в исследовании формальными принципами, очевидно будет вызывать вопросы о репрезентативности в рамках поставленных задач.

Интересно в этой связи, что моделирование эсхатологических событий такими популярнейшими авторами-христианами как К.С. Льюис и Дж.Р.Р. Толкиен в диссертации лишь упомянуты, но не описаны и не проанализированы. Это не объяснить временем создания самих литературных произведений – в диссертации речь идет и о более ранних вещах, как тексты Вл. Соловьева (1900 г.). С другой стороны, нельзя сказать, что эти произведения не входят в число актуальных в изучаемой автором современной массовой культуре – благодаря недавним экранизациям, произведения Толкиена и Льюиса были резко актуализированы, а кинотрилогия П. Джексона, вслед за книжным первоисточником, утвердилась среди влиятельнейших и постоянно цитируемых произведений в современном медиакультурном пространстве. В фокусе внимания не оказались (и в диссертации даже не упоминаются) и некоторые популярные фильмы с ярко выраженной, сюжетообразующей апокалиптической тематикой, к примеру «Конец света» Питера Хайамса (End of days, 1999).

4- Если объектом исследования в диссертации является (как об этом сказано во вступлении) сам «христианский эсхатологический миф», то определенные вопросы вызывает и построение материала. Представляется, что важным было бы показать не просто отдельные характерные для современной медиакультуры тенденции в использовании апокалиптических мотивов и образов, но и систематизировать их по

принципу удаления от самого христианского эсхатологического мифа. Здесь можно было либо идти по принципу «расширяющихся кругов» – от фильмов/игр, прямо построенных на образах и мотивах христианской апокалиптики к тем, которые эксплуатируют их завуалированно или не используют вовсе – либо, по крайней мере, более четко обозначить эти векторы.

Хочу подчеркнуть, что мои замечания и критические суждения не подвергают сомнению ценность проделанной работы и не влияют на ее общую высокую оценку. Представленная к защите диссертация – качественный научный труд, полный ценных наблюдений, который свидетельствует о высокой профессиональной подготовке автора, хорошо владеющего материалом в разных исследовательских областях. Работа представляет интерес не только для культурологов и религиоведов, но и для специалистов, работающих в других областях гуманитарного знания. Автореферат и публикации А.И. Пожарова отражают основные положения рассматриваемой работы. Все это дает основание считать, что диссертация отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и теории культуры
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6;
+7 8 495 250-68-27;
rggu@rggu.ru, itk@mail.ru

Антонов Д.И.

01.04.2016

Подпись

Д. И. Антонов

Н.Н. Назарова